

**ОЛЕГ
АЙРАПЕТОВ**

**ГЕНЕРАЛ-АДЪЮТАНТ
НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ**

ОБРУЧЕВ

(1830—1904)

ПОРТРЕТ НА ФОНЕ ЭПОХИ

Олег Айрапетов

**Генерал-адъютант Николай
Николаевич Обручев (1830–
1904). Портрет на фоне эпохи**

«Алисторус»

2017

УДК 94(47)
ББК 63.3

Айрапетов О. Р.

Генерал-адъютант Николай Николаевич Обручев (1830–1904).
Портрет на фоне эпохи / О. Р. Айрапетов — «Алисторус», 2017

ISBN 978-5-906914-73-6

В книге О. Р. Айрапетова, к. и. н., доцента МГУ, представлена подробная биография Николая Николаевича Обручева – выдающегося русского военного деятеля, одного из основателей службы Генерального штаба, русской военной статистики и журналистики, автора плана войны 1877–1878 гг. за освобождение Болгарии, одного из творцов русско-французского союза 1891–1893 гг. и разработчика проектов, легших в основу подготовки России к Первой мировой войне. Н. Н. Обручев внес огромный вклад в реорганизацию Вооруженных сил, развитие системы резервов и государственного ополчения, устройство военной повинности и мобилизации, возведение крепостей, подготовку вероятных театров военных действий – иными словами, принимал непосредственное участие в решении всех вопросов, касающихся системы обороны Российского государства. Автор уделяет внимание как государственным деяниям Н. Н. Обручева, которого современники называли «русским Мольтке», так и его незаурядным личностным качествам. Портрет нашего прославленного соотечественника дан на фоне исторической эпохи, охватившей время правления четырех императоров.

УДК 94(47)
ББК 63.3

ISBN 978-5-906914-73-6

© Айрапетов О. Р., 2017

© Алисторус, 2017

Содержание

Введение	7
Глава I	9
Начало пути	10
Дело «Военного сборника»	26
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Олег Айрапетов
Генерал-адъютант Николай
Николаевич Обручев (1830–
1904). Портрет на фоне эпохи

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)»

Введение

Эта книга представляет собой расширенное переиздание биографии генерал-адъютанта Николая Николаевича Обручева, первый вариант которой был опубликован в 1998 году в Петербурге, в издательстве «Алетейя»¹.

Жанр персоналии тогда становился все более популярным, и за прошедшие двадцать лет эта популярность, похоже, не понизилась. Последнее обстоятельство не может не удивлять – в условиях разгрома школы и распада культуры следовало бы ожидать чего-то другого. Но общество, которому постоянно предлагают калейдоскоп меняющихся оценок событий и людей, по-прежнему обращается к прошлому с интересом. Последнее обстоятельство не может не радовать историка, но одновременно оно же предполагает и значительное усложнение задач, стоящих перед ним. Объяснение исторического факта в историческом контексте требует предельно информативно объяснить мотивацию поступков людей и причины действий государственных институтов.

Осложняется эта задача другой проблемой: отсутствием в России XIX века институционально оформленных центров принятия решения. При Александре I министерства были еще слишком слабы организационно для выработки и защиты системы ведомственных взглядов. При его преемнике Николае I чиновничество, офицерский корпус значительно увеличились количественно и качественно. Однако Николай I был «сам себе министр иностранных дел» и «сам себе начальник Генерального штаба». Чрезмерная централизация превращала министерства в безынициативных исполнителей планов императора, в аппарат по реализации воли монарха.

При Александре II ситуация изменилась. В определении взаимосвязанных вопросов внешней политики и стратегии решающее значение приобретает борьба соответствующих министерств за влияние на личность императора. С середины семидесятых годов XIX века в эту борьбу включается Министерство финансов; постепенно растет влияние Военного министерства, и это приводит к тому, что после Берлинского конгресса 1878 года и практически до 1 марта 1881 года наступает период почти полного контроля военных над МИДом. Этому, конечно, способствовала и случайность – болезнь престарелого канцлера кн. А. М. Горчакова, который попросту не мог справиться с вызовом со стороны Военного министра. Можно сказать, что при определении направления военно-политической деятельности России в годы царствования Александра II вырисовывается треугольник: император – министр иностранных дел – военный министр. Вершиной треугольника, естественно, является монарх, а сферы влияния последних двух постоянно меняются.

Можно ли, в свою очередь, определить мотивацию, технику принятия планов и решений самого военного ведомства? Для германской (прусской до 1871) армии со второй половины XIX века органом, определяющим ее позицию и политику, стал Генеральный штаб. В России попытки устройства подобной организации закончились в конце шестидесятых годов XIX века неудачей. Либеральный министр Д. А. Милютин не допускал и мысли об ослаблении полноты своей власти в армии, очевидно, предполагая, что его мозг может заменить «мозг армии», то есть Генштаб. Но даже Дмитрий Алексеевич, чаще всего окружавший себя простыми исполнителями, нуждался в исполнителях-интеллектуалах для эффективного управления огромным организмом русской армии. Таким человеком для Милютина стал Н. Н. Обручев, который с 1864-го по первую половину 1877 года постепенно превратился в доверенное лицо военного министра, а после русско-турецкой войны 1877–1878 годов – в личного друга Дмитрия Алексеевича. Направление деятельности министерства с середины семидесятых годов XIX века опре-

¹ Айрапетов О. Р. Забытая карьера «русского Мольтке». Н. Н. Обручев (1830–1904). СПб., 1998.

делялось во многом взаимоотношениями между этими двумя выдающимися личностями, из которых личность Обручева, постоянно находившегося в тени, игравшего формально вторую роль в военном ведомстве и при Александре III, оказалась вне пристального внимания историков.

Когда Первая мировая война, революция и гражданская война смели поколение генштабистов, воспитанных Обручевым, память о нем была вытеснена событиями 1914–1920 годов. Умер ген. А. А. Поливанов, собиравшийся воссоздать биографию своего учителя. Уничтожена была часовня над могилой Обручева, рассыпан его архив. Бесследно исчезли мраморные доски в 1-м кадетском корпусе, Николаевской академии генерального штаба, Главном штабе, где «в назидание потомству» еще при жизни Обручева его фамилия была проставлена золотыми буквами. Кронштадтский форт «Обручев» получил новое имя «Красноармейский». Имя Николая Николаевича упоминалось только в связи с его революционными симпатиями в начале шестидесятых годов XIX века, участием в разработке плана русско-турецкой войны за освобождение Болгарии и русско-французского союза в начале девяностых годов XIX века.

Даже этих трех фактов достаточно для того, чтобы оправдать интерес к личности Обручева, который к тому же стоял у истоков русской военной статистики и журналистики, долгое время работал в Военно-Ученом комитете Главного штаба, на кафедре военной статистики академии Генерального штаба, был единственным выпускником «блестящего», по оценкам Д. А. Милютина, академического выпуска 1854 года, награжденным орденом Св. Георгия 3-й степени². «Как профессор он создал целую школу, подготовил много талантливых офицеров, которые гордились тем, что они ученики Обручева. Как администратор он работал над реорганизацией наших вооруженных сил на новых началах: развитие системы резервов и государственного ополчения, устройство военно-конской повинности, мобилизация армии, проведение стратегических путей, возведение крепостей, сосредоточение войск, подготовка вероятных театров военных действий и вообще все вопросы, обнимающие системы обороны государства, разработаны у нас Обручевым»³, – отмечал его ученик генерал от кавалерии А. А. Бильдерлинг. Другой его ученик ген. Поливанов считал, что его учитель – «мощный умом и патриотизмом устроитель нашей государственной обороны до 1898 года»⁴. Эти и другие оценки говорят о той значительной роли, которая была уготовлена Обручеву историей.

Следует отметить, что сам Николай Николаевич тем не менее, следуя модным настроениям своего времени, невысоко оценивал роль личности в истории. Находившийся в мае 1879 года в Константинополе А. А. Половцев наблюдал и описал любопытную сцену: «По возвращении Лобанова (русского посла в Константинополе Лобанова-Ростовского. – О. А.) между ним и Обручевым завязался интересный спор о значении биографии для истории. Обручев, разумеется, всецело отвергает значение биографий, приписывая всякое историческое значение исключительно массам. Лобанов, напротив, доказывает важность биографий, особенно за то время, когда, по неразвитию масс, судьба их гораздо более зависит от единичных личностей»⁵.

Таким образом, взявшись писать биографию Обручева, я становлюсь на позиции его оппонента, правда, не во всем принимая его аргументацию. Меня интересует как личность Н. Н. Обручева, так и деяния человека, которого при жизни сравнивали с Мольтке-старшим⁶. Основатель прусского генерального штаба, как известно, жил по принципу «быть больше, казаться меньше». Тот же принцип применял в жизни Обручев.

² Пруссак В. К. К материалам по истории русского Генерального штаба. Спб., 1902. С. 88.

³ Бильдерлинг А. Памяти Н. Н. Обручева // Русская старина (далее РС). 1914. Том 158. Вып. 6. С. 476.

⁴ РО РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. Ед. хр. 935. С. 1.

⁵ ГАРФ. Ф. 583. Оп. 1. Ед. хр. 1. С. 6.

⁶ Бильдерлинг А. Указ. соч. С. 487.

Глава I

Начало пути. – Дело «Военного сборника». – 1863 год. Обручев и восстание в Польше. – Истоки одного мифа и реалии

Начало пути

22 ноября 1830 года в Варшаве, в семье капитана лейб-гвардии Литовского полка Николая Афанасьевича Обручева и Марии Лукиничны Обручевой (урожденной Колотовой) родился четвертый ребенок, которого окрестили Николаем. Где был крещен будущий начальник Главного штаба, сказать точно нельзя, церковно-приходские книги в архиве Варшавы полностью не сохранились. Но русская община в Варшаве была относительно немногочисленна, в городе была лишь одна православная церковь и часовня в Королевском замке – резиденции наместника. Очевидно, что Николая Николаевича крестили в церкви св. Троицы на Подвале (Trojcy Swietei przy ul. Podwale).

В ночь с 17-го на 18-е (с 29-го на 30-е) ноября 1830 года в Варшаве начался мятеж, центром которого стала школа подхорунжих. Там училось около 200 юнкеров – в основном это были поляки. Поводом для начала мятежа стала подготовка к мобилизации армии для возможного выступления в поход на Бельгию. Гарнизон Варшавы состоял из польских (10 тыс. чел. при 18 орудиях) и русских (7 тыс. при 20 орудиях) частей¹². Великий князь Константин Павлович вместе с большей частью русского гарнизона и теми польскими войсками, которые сохранили верность короне, отошел за город. Под их защиту съезжались русские семьи, которым удалось избежать резни³.

После некоторого колебания Константин Павлович принял решение об отходе, сказав: «Прощай, Варшава! Брест протягивает к нам руки»⁴. Войска выступили в поход. Впереди шла пехота, по флангам и в арьергарде – кавалерия с орудиями, в центре – коляски с женщинами и детьми⁵. Это был первый поход, затронувший судьбу Николая Николаевича Обручева. Через 68 лет он получит от сослуживцев адрес, подписанный высшим генералитетом России, в котором будут справедливые слова: «Гордость Русской армии, вы почти с колыбели принадлежали ей»⁶.

Военная карьера ребенка была определена традициями семьи. Род Обручевых нельзя назвать древним. Его основатель – Афанасий Федорович, сын штык-юнкера, архангельский дворянин, кавалер ордена Св. Георгия 4-й степени, дослужился до инженер-генерал-майора. Афанасий Федорович участвовал в защите Оренбурга в годы восстания Пугачева, укреплял и строил Новодвинскую, Динамюндскую, Рижскую, Фридрихсгамскую и Бобруйскую крепости. Он отличался умением удовлетворить взыскательность самого требовательного начальства и заслужить симпатии местного населения. «Лучшим тому доказательством служит подаренная медаль, выбитая по случаю празднества столетнего подданства Риги Российской державе; эти медали раздавались одному генералитету, из полковников же удостоен сего лестного подарка мой Папенька», – вспоминал позже Н. А. Обручев⁷. Н. А. Обручев неоднократно получал благодарности Александра I и Николая I. После смерти Афанасия Федоровича 17 августа 1827 года Н. А. Обручев на аудиенции у Николая I получил личное соболезнование императора: «Вы ездили в Финляндию, вы лишились вашего батюшки, жалею о вашей потере»⁸.

Из 19 детей А. Ф. Обручева 13 умерло во младенчестве. В 1802 году родился отец Н. Н. Обручева⁹, который, окончив Второй кадетский корпус вторым по успеваемости, начал службу прапорщиком в лейб-гвардии Литовском полку¹⁰. 19 мая 1837 года полковник Николай Афанасьевич Обручев, командир Самогитского гренадерского полка, стоявшего тогда в Бронницах (недалеко от Новгорода), скоропостижно скончался – вдова с семью малолетними детьми оказалась в крайне тяжелом финансовом положении. По ходатайству ген.-л. сенатора И. П. Пущина и начальника штаба Военно-учебных заведений полк. Я. И. Ростовцева перед великим князем Михаилом Павловичем император Николай I назначил вдове полковника Обру-

чева пенсию в 428 рублей серебром (1500 руб. ассигнациями) в год, мальчики – Афанасий и Николай – были приняты в Александровский сиротский кадетский корпус, а дочерей определили в Смольный институт. Мария Лукинична сама отвезла сыновей в корпус и переехала в Петербург. Финансовое положение семьи оставалось долгое время тяжелым.

Смерть отца, отрыв от семьи были сильным ударом для семилетнего ребенка. Поддержку, оказанную в это время двоюродным братом, будущим академиком А. Ф. Бычковым¹¹, Н. Н. Обручев запомнит навсегда. В 1890 году, поздравляя Бычкова с 50-летием его служебной деятельности, он писал: «Поздравляю и себя с пятидесятилетием нашей родственной дружеской жизни. Припоминаю твое первое появление к кадету Александровского корпуса, твой первый фунт конфет... твое постоянное участие ко мне как к младшему, но якобы равному тебе брату. Спасибо, мой дорогой, за все, что ты для меня сделал»¹².

Попытаемся рассмотреть путь «маленького кадетика» по системе Военно-учебных заведений николаевского времени. Попав туда семилетним несмышленищем, Обручев вышел из корпуса 18-летним офицером. Многие были заложены в этот период учителями и воспитателями, а Н. Н. Обручев всю жизнь выделялся своими способностями, в том числе к учебе и усвоению материала. Здесь, в корпусе, начала складываться личность будущего начальника Главного штаба русской армии.

Александровский малолетний сиротский кадетский корпус был образован в 1830 году, когда все малолетние отделения петербургских кадетских корпусов (1-й, 2-й, Павловский и Морской) были упразднены, и кадеты от пяти до десяти лет¹³ были сведены в него. Шефство над новым корпусом взяла императрица Александра Федоровна. Он располагался в Царском Селе в здании упраздненного в 1829 году пансионата при Лицее. В трехэтажном здании корпуса были расположены спальни, классы, столовая, церковь, лазарет и квартиры классных дам. Учителя, директора, инспекторы и другие служившие в корпусе лица занимали особый флигель. Корпусу принадлежал большой сад, по обе стороны которого находились плац и луг, сад с гимнастическими снарядами и большой двор для прогулок. Штат корпуса составлял 400 воспитанников, которые делились на четыре роты и малолетнее отделение, куда направлялись дети от пяти до восьми лет. Рота составляла от 90 до 95 человек и делилась на три отделения, каждое под особым надзором и руководством классной дамы. Малолетнее отделение имело отдельную от других спальню, к которой примыкала трехкомнатная квартира классной дамы, где дети могли собираться и играть по окончании занятий. Кадеты старше семи с половиной лет распределялись в роты, делившиеся на три отделения, каждое из которых также имело спальню, соединенную с квартирой классной дамы. Таким образом, воспитанники находились под внимательным женским контролем. Одна из трех классных дам назначалась старшей. Эта должность обязывала к более активному участию и большей ответственности в воспитательном процессе, а потому утверждалась она по представлению директора корпуса начальником штаба Военно-учебных заведений, в этот период – Я. И. Ростовцевым.

Кроме классных дам при каждой отделении состояли три няньки, которые прислуживали воспитанникам за столом, чистили их одежду, убирали спальни. В каждой роте состояли на службе двое дядек из отставных унтер-офицеров, дежуривших через день и присматривавших за кадетами в часы их отдыха. Курс учения в Александровском корпусе был элементарным, подготовительным. Приемный, младший класс из четырех корпусных, начинал обучение с азов. Детей готовили к службе и учебе во «взрослом» кадетском корпусе, к дисциплине, требования которой были строги: на занятиях дети сидели прямо, заложив обе руки за спину (так улучшалась осанка будущих офицеров), без разрешения учителя не позволялось положить на стол ни книгу, ни тетрадь, а о своем желании кадет заявлял поднятием руки, ожидая вопроса со стороны учителя. Широко применялись меры наказания и поощрения. К первым относились следующие: 1) приказ стоять неподвижно; 2) вывод из класса за дверь; 3) дурной балл;

4) запись в классном журнале (последние меры лишали кадета сладкого блюда в воскресенье); 5) жалоба инспектору, обыкновенно кончавшаяся розгами. Кадет поощряли: 1) хорошим баллом (при 12-балльной системе); 2) письменным заявлением в журнал о хорошем поведении; 3) пересаживанием учеников с места на место. Последняя мера считалась весьма важной. В начале учебного года дети рассаживались в соответствии с баллами, полученными на переводном экзамене: отличники – ближе к учителю, неуспевающие – на «камчатке». Но этот порядок менялся на каждом уроке, так как учитель за хороший или плохой ответ пересаживал детей. Сами кадеты были весьма внимательны к соблюдению этой иерархии. К числу самых сильных мер воздействия относились красная и черная доски, на которые наносились фамилии успевающих и нерадивых воспитанников, причем черная доска была столь строгим наказанием, что фамилия провинившегося писалась не сразу, а по одной букве, в соответствии с очередным проступком.

Учебный год, продолжавшийся с 15 августа по 15 июля, заканчивался экзаменами. По окончании занятий лучшие ученики получали подарки (только книги), причем раздавали их в присутствии родственников кадет и высшего начальства, и каждый подарок вручался при звуке труб и литавр специально приглашенного оркестра. Выпускники Александровского корпуса по окончании его развозились по определенным для них корпусам из Царского Села на запряженных тройками каретах, что породило особую песню:

Через полгода, не боле,
На троечке лихой
Покатим в чисто поле
Из корпуса в другой¹⁴.

С начала 1840-х годов в Александровском корпусе стали появляться и отрицательные черты, которые привели позже к многочисленным нареканиям к его устройству и службе, и наконец, к упразднению¹⁵. 26 августа 1841 года Н. Н. Обручев был переведен в 1-й кадетский корпус¹⁶, старейшее из армейских Военно-учебных заведений, основанное по указу Анны Иоанновны 29 июля 1731 года генерал-фельдмаршалом графом Б. Х. Минихом, который и был фактическим основателем корпуса и первым его главным директором. Первоначально корпус назывался Сухопутным шляхетским, а 1-м кадетским он стал именоваться 10 марта 1800 года, по именному указу Павла I.

Специальные военно-учебные заведения для подготовки офицеров впервые были созданы во Франции. Знаменитый военный министр Людовика XIV, реформатор французской армии Франсуа-Мишель Летелье, маркиз де Лувуа (1641–1691), в 1682 году соединил кадет, служивших в разных частях армии, в особые кадетские роты, с целью изъять будущих офицеров из общества солдат. В 1694 году, вскоре после смерти Лувуа, кадетские роты были упразднены. В 1726 году их восстановили, а в 1733 году вновь распустили. В Пруссии же переняли и развили идею Лувуа – в 1686 году здесь были учреждены кадетские роты. Берлинский корпус стал образцом для Саксонии – это произошло в 1725 г. По примеру Франции кадетские академии возникли в Берлине и Магдебурге. Кроме того, существовавшая в Кольберге с 1653 года небольшая рыцарская академия была преобразована в кадетскую академию. В 1717 году эти три академии были сведены в Берлине в кадетский корпус, шефом которого стал пятилетний кронпринц Фридрих – будущий король Фридрих II. Примеру пруссаков последовали другие: Австрия – в 1751-м, Польша – в 1765-м, Бавария – в 1790 году¹⁷.

В разное время во главе 1-го кадетского корпуса стояли такие люди, как И. И. Бецкой, М. И. Кутузов, великий князь Константин Павлович, а во время поступления в корпус Обручева его шефом был сам император Николай I. К корпусу имел отношение А. В. Суворов, его

окончили три генерал-фельдмаршала: П. А. Румянцев-Задунайский, А. А. Прозоровский, М. Ф. Каменский, герои войны 1812 года генералы Я. П. Кульнев и К. Ф. фон Толь, в нем учились поэты М. М. Херасков, А. П. Сумароков и В. А. Озеров. В корпусе начинали службу России дети Николая I, в том числе и наследник престола. Интересно замечание сослуживца великих князей по корпусу: «Они (то есть дети Николая I. – О. А.), входя в наш мир, совершенно подчинялись корпусной дисциплине и условиям кадетской жизни»¹⁸. Служба в таком корпусе была почетной и обеспечивала хорошие условия для дальнейшего продвижения. Принимались туда лишь дети потомственных дворян, родители которых имели чин не ниже полковника.

Здесь происходило становление Обручева как личности. Период от 10 до 18 лет очень важен, поскольку истины, усвоенные в детстве, как правило, не покидают человека и в последующие годы. Поэтому хотелось бы сказать подробнее о жизни кадетов. Сначала дети попадали в неранжированную роту. Старшие кадеты учили новичков отстаивать свое достоинство, никогда не жаловаться начальству: «Если будут сечь или морить голодом, то все-таки никогда „не выдавай товарища“»¹⁹. По отношению к порке в неранжированной роте существовал обычай – кадет не считался кадетом, не будучи высеченным хоть раз. «Первая порка производила в кадеты, вторая – в ефрейторы, третья – в унтер-офицеры и т. д., возвышаясь в чинах, иные в год и в два, не имея 12 лет от роду, доходили до „фельдмаршала“, то есть были 18 раз высечены»²⁰.

В одной роте с Обручевым в корпусе служили сын Шамиля Джемалэддин, выданный заложником при взятии летом 1839 года аула Ахульго (в корпусе всегда было много детей-горцев, они обычно ходили в национальной одежде и выделялись только этим²¹), братья Жемчужниковы, Николай Негош, сын черногорского князя. Условия жизни были одинаковы для всех. Розга была важным составным элементом в воспитательной системе. Березовые розги имели сухие отростки в 3–4 см, которые при сильных ударах входили в тело, образуя занозы. Единственным способом для кадета избежать заноз был подкуп сторожа – старого отставного солдата, за гривенник пускавшего детей в чулан, где хранились запасные розги. В таком случае готовились «бархатные розги», то есть острым ножом срезались эти злосчастные отростки. К полугодовым экзаменам, после которых наказывали за плохие оценки, некоторые кадеты специально точили перочинные ножи. Подобная метода воспитания, конечно, сказывалась на нравах кадетов – они грубели, и особенно выделялись выпускники – кадеты 1-й роты, которые назывались «перворотами» и «старыми закалами». Правила поведения «перворота» были изложены в стихах:

Придешь к столу, ты, как свинья, нажрись,
Побольше ешь, побольше пей.
И если туго – расстегнись,
А мало есть – отнюдь не смей.
Зато под розгами ни слова,
Или кричи «не виноват»,
А вставши, дай толчка лихого,
Так истинный ты будешь хват²².

Такой кадет обязательно должен был иметь ноги колесом (для чего в бане в металлическую шайку наливалась горячая вода, и старшие воспитанники сидели, обхватив ее ногами – молодые кости искривлялись²³), ходить по коридору, сильно стуча каблуками, сильно отворачивать обшлага на рукавах, расстегивать нижнюю пуговицу куртки и, конечно, разговаривать басом, нюхать и курить табак. Признаком хорошего тона считалось ходить «за жратвой»²⁴ в хлебную и отнимать еду у младших воспитанников. Но... «первороты», в сущности, были добрые малые и только представлялись суровыми. Случалось, что в лазарете, видя, что маленький

воспитанник получает одну овсянку, которую есть не может, перворот приносит ему свою котлету, а сам ест его овсянку, говоря при этом: «Для меня дело в количестве, а не в качестве»²⁵.

Естественно, что «перворот» ни в чем никогда не сознавался и постоянно вступал в пререкания с начальством. В 1-й роте произошло исключительное для николаевских военно-учебных заведений событие – бунт кадетов против грубости офицера, поручика Крылова, осмелившегося назвать одного из воспитанников корпуса дураком и кантонистом. Это вызвало взрыв негодования, в адрес Крылова посыпалась брань, его команду «Смирно!» никто не выполнил. Прибывший в роту дежурный успокоил беспорядок, а на следующий день «перворотов» посетил Я. И. Ростовцев. С кадетов, по личному указанию императора, уже сняли погоны, были запрещены отпуска и визиты родных, Ростовцев прокричал: «Бунтовщики! Вы забыли дисциплину! Хотите все в солдаты! На колени!»²⁶.

Рота на колени не встала. В 1-м кадетском считалось верхом позора пойти на это – кадеты предпочитали порку до полусмерти или солдатчину такому оскорблению. Ростовцев – выпускник Пажеского корпуса, очевидно, не знал этого, но и он, почувствовав, что перегибает палку, оговорился: «На колени, помолитесь Богу, чтобы царь вас простил! Только Бог нам может помочь умиловить царя»²⁷. После этих слов Ростовцев первый стал на колени перед ротным образом и перекрестился. Рота со всеми офицерами последовала его примеру. Через 1,5 месяца кадетам 1-й роты были возвращены погоны. Так воспитывалось чувство корпоративности будущих офицеров, так они учились при любых обстоятельствах защищать свое достоинство. Нормой считалось дерзкое поведение с офицерами, позволявшими себе грубость по отношению к кадетам. Но если офицер не наказывал кадетов беспричинно, то делом чести считалось прикрыть его от взысканий начальства.

Соппротивление иногда принимало вид баловства. Начальство, например, требовало, «чтобы фронт весело смотрел»²⁸, подкрепляя требования угрозой розог. «Но кадеты во фронте, чтобы показать иногда свое неудовольствие, хмурили брови и делали сердитые лица. Если в это время требуют улыбки, то на злых лицах являлись ощеренные зубы»²⁹. Жесткая дисциплина и демонстративное сопротивление ей, показная грубость и лихачество все же имели положительное значение – ведь из детей старались сделать солдат. К тому же в поведении будущих «отцов-командиров» были свои внутренние ограничения: например, в кадетской среде не приветствовалось увлечение азартными играми и пьянство.

Служба в корпусе была нелегкой, и дети, естественно, стремились облегчить себе жизнь. Простейшим способом избежать наказания во фронте или в классе была симуляция болезни. Особенно отличались одноклассники Обручева – братья Жемчужниковы, которым часто удавалось сорвать занятие, избежав при этом наказания.

Учителя 1-го кадетского, как правило, выделялись в лучшую сторону в это непростое николаевское время. При Николае I было окончательно покончено с пережитками учительской системы И. И. Бецкого, который с целью подготовки преподавателей для корпуса добился у Екатерины II разрешения определять в него через каждые три года от 14 до 16 мещанских детей³⁰. Положение этих учителей было незавидным, начальство обращалось к ним на «ты»; в случае недовольства их могли даже подвергнуть телесному наказанию, что, конечно, негативно сказывалось на отношении кадетов к таким учителям и предметам, которые они преподавали, так что отказ от системы Бецкого имел положительное значение. Довольно плохо, судя по воспоминаниям, было поставлено преподавание в корпусе иностранных языков. Немцы и французы, преподававшие их, получили в корпусе прозвище барабанщиков: «...они так учили, что под их руководством забывали языки и кадеты, которые говорили на языках дома, до поступления в корпус»³¹. Гораздо лучше было поставлено преподавание российской словесности, которую преподавали друг Гоголя – Прокопович, большой поклонник Н. М. Карамзина, К. Н. Батюшкова и Г. Р. Державина – Плаксин, печатавшийся сам во время расцвета русского

сентиментализма. В корпусе преподавал знаменитый переводчик Теккерея и Диккенса Иринарх Введенский. Среди преподавателей истории независимостью в суждениях отличался В. П. Макин, который даже в условиях жесткого контроля над своим предметом говорил о французской революции, отмечая не «только отрицательные, как того требовала цензура, но и положительные ее стороны. Когда Макину было поручено составление курса лекций по древней истории, он, говоря о Греции, упомянул о том, что республиканский строй был „наилучшим для этого государства, разделенного на отдельные небольшие части“»³². Конспект курса лекций преподавателя поступал на рассмотрение инспектора классов, отсюда – в штаб Военно-учебных заведений, а его начальник Я. И. Ростовцев должен был отправить их в III отделение С. Е. И. В. К. В данном случае Ростовцев предпочел лично встретиться с Макиным и заставить его переработать курс лекций.

Хорошо было поставлено преподавание статистики, естественной истории, физики, а математику вел будущий министр путей сообщения – Г. Е. Паукер. Позже Обручев, используя знания, полученные в корпусе, напишет несколько работ по истории, а военная статистика с 26 лет будет его основной специальностью. Военные предметы преподавали капитаны П. Д. Зотов и П. П. Карцев. В войне 1877–1878 годов Зотов станет начальником штаба Румынской армии (под Плевной), а Карцев будет командовать корпусом, который дойдет до Сан-Стефано. Это были первые учителя Обручева в военном деле.

Николаевское время – эпоха официального противопоставления России Западной Европе, особенно после событий тридцатых – сороковых годов. В это время выделяли в качестве традиционного врага Францию, несколько меньше – Англию. Программы курса военной истории (и не только ее) грешили ура-патриотизмом и шапкозакидательскими настроениями: «Военные науки у нас преподавались по особым программам; кадеты в 17–19 лет критиковали Наполеона I, восхищались Суворовым, Кутузовым и всеми русскими полководцами во все времена и войны. Эти же кадеты критиковали Вобана⁷ и не находили ошибок в нашем укрепленном лагере на Дриссе, где некоторые люнеты были построены горжей⁸ к неприятелю. Нам преподавали, что вооружение русских войск есть самое усовершенствованное во всем мире. Нам говорили, что обмундирование русского солдата приновлено для похода под экватором и под полюсом, его серая шинель сохранит от солнцепека и согреет от мороза. Что же касается до снабжения армии и до устройства провиантской и комиссариатской частей, то тут настолько все предусмотрено, что солдат может обойти кругом земного шара и нигде не почувствует недостатка в пище, одежде и обуви», – вспоминал один из одноклассников Обручева. Победа в великой войне с Наполеоном I, выигранные войны с Ираном и Турцией, разгром такого сильного противника, как польская армия, порождали особое чувство горделивого превосходства, непобедимости, преемственности русской военной славы (вспомним, что штурм Варшавы состоялся в годовщину Бородинского сражения). «Слава, купленная кровью», – вот естественная оценка современности, данная М. Ю. Лермонтовым, не отличавшимся оптимизмом в суждениях. Но одновременно почти традицией становилась недооценка сил возможного противника и воспитывалось поколение, настолько привыкшее к победам, настолько приученное к мысли о военной неуязвимости России, что оно окажется не в состоянии не назвать отступление поражением, а поражение – катастрофой.

Особую роль в корпусе играл священник, который вместе с религиозным воспитанием будущих офицеров решал проблему создания у кадета морально-этических норм, стараясь по возможности сохранить душу ребенка – будущего воина – от излишней черствости и жестокости. Особенно запомнился кадетам «священник Бенедиктов, который отличался беспримерной

⁷ Себастьян Ле Претр Вобан – французский военный инженер и экономист, маршал Франции (1633–1707). Выдающийся фортификатор. Участник осады 53 крепостей, построил 33 и перестроил более 300 крепостей.

⁸ Горжа – тыльная часть некоторых укреплений (форт, редут и др.).

добротой, во все время пребывания в заведении Бенедиктова (15 лет!) никто никогда не видел его не только гневающимся, но даже на лице его никогда не бывало и тени неудовольствия. Это удивительное добродушие Бенедиктова располагало воспитанников, которые относились к нему с полной откровенностью»³³³⁴. Возможно, Бенедиктов заложил основы уважительного отношения Обручева к православию. Известно, что Обручев не отличался нигилизмом во взглядах на национальную религию России даже в шестидесятые годы, а позже принял участие в оформлении интерьера храма Христа Спасителя, а церковь Св. Георгия в здании Главного штаба была перестроена по его проекту.

Таково было состояние кадетского корпуса, когда в нем учился Н. Н. Обручев. Идеал воспитанника кадетских корпусов был указан в «Наставлениях для образования воспитанников Военно-учебных заведений» за 1848 год, составленных Я. И. Ростовцевым: «Христианин, верноподданный, русский, достойный сын, надежный товарищ, скромный и образованный юноша, исполнительный, терпеливый и расторопный офицер»³⁵. Обручев хорошо служил и учился – 8 марта 1846 года он получил первое звание – стал унтер-офицером³⁶. Кадеты в зависимости от успеваемости распределялись в роту Его Величества и мушкетерскую роту, и на специальные и обычные курсы. Успеваемость кадета 2-го отделения 2-го класса специального курса Обручева была высока (в корпусе была принята 12-балльная система оценок)³⁷:

Дисциплина	Балл	Дисциплина	Балл
Закон Божий	12	Механика	12
Русская словесность	12	Минералогия	12
Французский язык	11	Артиллерия	11
Немецкий язык	12	Фортификация	12
Статистика	11	Тактика	12
История	12	Черчение	10
Законоведение	12		

Баллы по наукам		Баллы по наукам и искусствам	
Итого	Срединных баллов	Итого	Срединных баллов
152	11 9/13	162	11 8/14

28 января 1848 года Обручев был произведен в фельдфебели³⁸ и уже по успеваемости открывал список своей роты. Личная характеристика была блестящей и соответствовала требованиям Я. И. Ростовцева: «Кроток, исполнительен, честлюбив, способности: отличные, трудолюбив и содействует к воле начальства»³⁹. 27 мая 1848 года приказом штаба Е. И. В. Главного начальника Военно-учебных заведений за № 4853 второму специальному классу были назначены публичные экзамены, которые состоялись 11 июня 1848 года⁴⁰. Обручев сдал экзамены блестяще, получив 239 баллов из 240 возможных (единственные 11 баллов по 12-балльной системе – военная топография), окончив, таким образом, курс наук по первому разряду с большим отрывом от кадетов-отличников⁴¹, а Обручев и еще шесть отличников из 123 выпускников 1848 года переводились в гвардию прапорщиками⁴². Приказом главного начальника Военно-учебных заведений № 973 от 19 июня 1848 года Обручев был переведен в л. – гв. Измайловский полк⁴³, получив единовременное пособие размером 323 р. 59j коп. сер.⁴⁴, что было серьезным материальным подспорьем для очень небогатого молодого офицера.

Для поступления в гвардию необходимо было сдать экзамен по следующим дисциплинам:

- 1) русский язык и история русской литературы;
- 2) французский или немецкий язык;
- 3) вся арифметика;
- 4) алгебра до уравнения высших степеней;
- 5) геометрия;

- 6) тригонометрия;
- 7) русская и всеобщая история (до 1818 года);
- 8) русская и всеобщая география и часть статистики (о состоянии промышленности, образования, военных сил и финансов);
- 9) общее законоведение (законы государственные и гражданские)⁴⁵.

13 июня 1848 года Обручев стал субалтерн-офицером л. – гв. Измайловского полка. Шефом 3-го полка 1-й гвардейской дивизии был сам император. В мае 1849 года гвардия была двинута к западным границам. Обручев проделал с ней свой первый поход. В боях с венграми он не принимал участия. В 1850 году праздновался 50-летний юбилей шефства Николая I над измайловцами. Празднование началось 1 июня, в день храмового праздника полка (Св. Троицы). Все было сделано для того, чтобы измайловцы почувствовали особое к ним расположение Престола. Офицеры полка присутствовали при церемонии прибавки и освящения новых знамен. Знаменитому художнику Э. П. Гау было поручено нарисовать портреты офицеров для личного альбома Николая I. 11 июня состоялся обед в Зимнем дворце, где император провозгласил тост за офицеров-измайловцев: «За ваше здоровье, товарищи! Еще раз благодарю вас!»⁴⁶. Император щедро одаривал всех старых измайловцев, старшие в чинах были произведены в следующий чин, награды получили солдаты и унтер-офицеры⁴⁷. Офицера гвардии, воспитанного в духе полной преданности монархии, этот праздник мог еще раз убедить в тождественности России и царя, в правоте идеи консерватизма, позволившей России стать арбитром Европы. 13 июня Обручев получил старшинство в чине – начальство имело все основания быть довольным его службой и взглядами.

Попытаюсь подтвердить эту мысль выдержками из первой печатной работы Обручева, тем более ценной для нас, что первое самостоятельное изложение своих мыслей молодым офицером непосредственно по окончании корпуса позволит убедиться, насколько полно двадцатилетний офицер усвоил курс наук, которые ему преподавали. Итак, Обручев «в 1850 году, будучи в чине подпоручика, написал свой первый ученый труд „Опыт истории военной литературы в России“, удостоенный поднесения Его Величеству»⁴⁸, за что получил «высочайшее благоволение» и подарок по чину.

В 1853 году эта рукопись, несколько переработанная Обручевым, была издана в Петербурге под названием «Обзор рукописных и печатных памятников, относящихся до истории военного искусства в России по 1725 год». Стиль этого источниковедческого исследования полностью соответствует духу военной истории николаевского времени, о котором вспоминал одноклассник Обручева по корпусу (см. выше). Прочитывая Полтавский приказ Петра Великого, Обручев завершает свой труд словами верноподданного николаевского офицера: «Французы восхищаются воззваниями Наполеона, но есть ли в них хоть что-нибудь подобное сему приказу, проглядывает ли хотя в одном из них столько души, искренности и самой нежной привязанности к народу и войску? Нет, думаю, что только у Русского Царя могло вырваться такое слово, краткое, но могущественное, которое, сведя на Монарха и Его войско благословение Божие, дало им силу, перед которой все рушилось!

Этим мы оканчиваем обзор литературной деятельности в царствование Петра I, энергическими мерами которого преобразовано наше войско, создана России новая сухопутная и морская сила, дано ей надлежащее образование, утверждены в ней строгий порядок и дисциплина. Все это, взятое вместе, естественно дало перевес нашему оружию, повело Русское войско к победам и славе, которая все более и более его озаряет»⁴⁹.

Всю историю военной литературы в России Обручев разделил на пять периодов: первый – до 1696 года – характеризуется «...неточностью, неопределенностью понятий и отсутствием систематического порядка в изложении предметов»⁵⁰; второй период охватывает царствование Петра I, когда «...трудами Великого Государя были положены прочные основания главнейшим

из военных наук...»⁵¹; третий период – с 1725-го по 1761 год – отмечен некоторым снижением активности в выпуске военной литературы; четвертый период включает в себе царствования Петра III, Екатерины II и Павла I и отличается повышением внимания к военной литературе. Это последний период, когда «относительно военной литературы мы еще пользовались преимущественно трудами иностранцев, заимствуя у них то, что было открыто их умом, приобретено их опытностью; переводя и переделывая все лучшие сочинения, являвшиеся за границей»⁵².

Последний, пятый период связан с именами Александра I и Николая I: «научившись всему, что нужно, дабы хорошо понимать и знать сущность дела, мы уже двигаемся вперед не чужими трудами, а собственным своим умом»⁵³. Последнее утверждение молодого автора бесспорно для военных действий, но его весьма трудно принять для специальных военных знаний – весьма значительная часть печатной информации трех русских военных журналов по-прежнему оставалась переводной (преимущественно с немецкого и французского языков), хотя количество такого рода работ постепенно сокращалось⁵⁴.

Очень высоко Обручев оценил и учреждение Академии Генерального штаба, особо выделив два периода в истории военной литературы – петровский и николаевский, подчеркнув в заключение преемственность этих периодов. Если прибавить к этому противопоставление русского иностранному, особенно французскому, приверженность норманнской теории (Обручев связывает переход древних славян от обороны к тактике нападений с влиянием «Варяго-Руссов»⁵⁵), то можно смело причислить автора к верным сынам николаевского военного воспитания.

В начале пятидесятых годов положение семьи Обручевых несколько улучшилось. В августе 1851 года Н. Н. Обручев производится в поручики. Три его сестры последовательно окончили Смольный институт первыми по успехам. Блестящие успехи детей помогли матери в 1851 году стать инспектрисой Смольного института.

В 1852 году Высочайшим повелением было удвоено жалование обучающимся в Академии офицерам. Кроме того, устанавливалось особое пособие при переходе в практический класс Академии и выпуске из нее, офицерам было разрешено возвращаться в свои части по окончании курсов⁵⁶. Обручев имел право поступать в Академию через два года по окончании кадетского корпуса, но материальное положение семьи позволило ему сделать это лишь в 1852 году.

Следует отметить, что льготы резко изменили отношение офицерства к Академии Генерального штаба: «...в 1852 году явилось к поступлению 55 офицеров, тогда как в предыдущем году таковых было лишь девять»⁵⁷. В Академию имели право поступать обер-офицеры не моложе 18 лет и чином не старше капитана армии или штабс-капитана гвардии. Вступительные экзамены проводились по строевым уставам всех родов войск, арифметике, алгебре, геометрии и тригонометрии, полевой и долговременной фортификации, артиллерии, всеобщей и русской истории, географии, русской грамматике и словесности⁵⁸. Обручев, как и все офицеры гвардии, сдавал экзамены при штабе Гвардейского корпуса в июле и августе 1852 года⁵⁹.

Николаевское время было весьма сложным и противоречивым для военного образования и военной науки в России. С одной стороны, эти заведения бурно развивались, они получили стройную и единую систему обучения, увеличилось их число – в 1856 году в России было 23 военно-учебных заведения. С другой стороны, этого было явно недостаточно для нужд армии, они давали только треть необходимого числа офицеров⁶⁰. Большим событием стало основание Академии Генерального штаба в 1832 году. Законодателями мод в этой области также были пруссаки. Еще после Семилетней войны Фридрих II пытался организовать академию для офицеров Генерал-квартирмейстер-штаба. В 1763 году в Берлине была основана

Дворянская академия – курсы читались в Потсдаме, однако они были плохо организованы и быстро прекратились. В 1801 году по инициативе генерал-квартирмейстера прусской армии Герхарда Шарнгорста в Берлине были созданы курсы для офицеров гарнизона. Они получили название «Академии для молодых офицеров»⁶¹.

Тем не менее можно утверждать, что в 1806–1807 годах в Пруссии не приветствовалась военная наука. «В прусских армиях, – писал современник, – имеют силу наследственного преимущества: простой солдат почитается токмо частицею машины; нравственное образование и познания его ни к чему не полезные и не ведут его также ни к чему. Как машина стоит в ружье, как с машиною с ним и поступают»⁶². Преимущества подобного механизма имели и отрицательные стороны – он оказался весьма нестойким. В 1806 году для этой системы настал час истины – она была сметена Наполеоном. «Тело без души» – так назвал прусскую армию 1806 года ее победитель⁶³.

После столь серьезного поражения пруссаки приступили к изменениям своей военной машины. Законом 6 августа 1808 года устанавливалась система, по которой производство в чин в армии в мирное время зависело только от образования и знаний. В 1809 году была основана высшая военная школа, которая в 1859 году была переименована в *Kriegs-Akademie* (Военную академию)⁶⁴. Академия Генерального штаба во Франции была основана в 1818 году, в Австрии – в 1852 году⁶⁵. Казалось бы, николаевская Россия не отставала от требований времени. Однако формализм и посредственные исполнители никогда не способствуют благотворному развитию науки, в том числе и военной.

Директор Академии – «невыносимо тяжелый для подчиненных»⁶⁶ генерал от артиллерии И. О. Сухозанет – был невежественным и грубым человеком, «любимое его выражение, употребляемое им в приказах и речах офицерам, было: „без науки побеждать можно, но без дисциплины никогда“»⁶⁷. Другим известным выражением Сухозанета, характеризующим его отношение к образованию, было: «Наука в военном деле не более как пуговица к мундиру: мундир без пуговицы нельзя надеть, но и пуговица еще не составляет всего мундира!»⁶⁸. Офицеры отвлекались от занятий различными поручениями Сухозанета по строевой части. Не совсем разумным, по мнению профессора Академии Д. А. Милютина, было и распределение предметов. В Академии проходили следующие дисциплины:

- 1) тактику и историю военного искусства;
- 2) обязанности офицера Генерального штаба;
- 3) артиллерию;
- 4) тактику;
- 5) военную географию и военную статистику;
- 6) российскую словесность;
- 7) политическую историю;
- 8) топографию с черчением;
- 9) фортификацию;
- 10) стратегию;
- 11) иностранные языки (французский и немецкий)⁶⁹.

Уровень преподавания был, как правило, невысок и крайне медленно менялся. Еще в 1846 году Д. А. Милютин предложил И. О. Сухозанету и Я. И. Ростовцеву изменить преподавание ряда предметов, отметив среди огрехов системы чрезмерное увлечение теорией, формализм и отрыв от жизни. Курс Академии представлял собой, по словам Д. А. Милютина, нагромождение «...фактов, имен, чисел, слов, правил, и слишком мало времени оставалось ученику, чтобы вдумываться в изучаемое, усвоить себе предмет, приобрести навык к практическому приложению науки»⁷⁰. Ростовцев воспринял предложения Милютина как критику. Его реак-

ция была отрицательной: «Не созрели мы для такого труда. Прежде всего создайте людей, а до того ждите»⁷¹. В результате и в начале пятидесятых годов ситуация в Академии практически не изменилась. В 1851 году Милютин вновь отмечает: «Ныне в курсе Военной академии слишком много школьного, теоретического... надобно сделать его более практическим, а для того все предметы, преподавание прямо и непосредственно связать с практическим применением их в самой службе»⁷². Значительное количество изучаемых предметов не позволяло сосредоточиться на главных направлениях, существенно необходимых в будущей службе офицеров ГШ. В обязательные курсы входил и Закон Божий, который воспитанники изучали ранее (Милютин предлагал отменить его преподавание, но получил отказ⁷³). В 1853 году Милютин вновь выступил с программой сокращения целого ряда общих предметов, знание которых возможно было выяснить на вступительных экзаменах в Академию (история, артиллерия, фортификация, иностранные языки и др.). Вместо этого предлагалось, прежде всего, увеличить часовую нагрузку на обязанности офицера Генерального штаба, стратегию, военную статистику и проч.⁷⁴ На этом фоне особенно должен был выделяться сам Д. А. Милютин, который фактически был основателем русской военной статистики и вел этот предмет в Академии. Без сомнения (учитывая дальнейшую карьеру Н. Н. Обручева), именно курс полковника Милютина вызвал наибольший интерес и внимание со стороны его будущего коллеги.

Воспитанники курса Обручева все же застали долгожданные перемены в Академии. 4 февраля 1854 года Академия была передана под начальство наследника-цесаревича, Главного начальника Военно-учебных заведений. Пост директора Академии был упразднен, И. О. Сухозанет стал почетным членом Академии (это известие было принято с большим удовлетворением)⁷⁵. Но воспользоваться изменениями в Академии воспитанникам не удалось: началась Крымская война, срочно нужны были офицеры, особенно офицеры ГШ: «при начале каждой войны повсюду слышатся жалобы на малое число офицеров, способных и знающих свое дело», – писал Милютин еще до начала войны⁷⁶. Тем не менее выпуск 1854 года был особенным для русской армии: «Выпуск ожидался блестящий. Достаточно назвать такие имена, как Обручев, Рооп, Леер; кроме этих выдающихся личностей, дослужились впоследствии до высших чинов: Окерблом, Яновский, Ростовцев (старший сын Якова Ивановича), Лолоствов, Корево, Цытович, Комарев (Константин)»⁷⁷. 29 мая 1854 года приказом по Военно-учебным заведениям № 1928 Н. Н. Обручев по окончании Академии был причислен к Генеральному штабу, а 31 мая того же года за успехи в науках во время учебы был произведен в штабс-капитаны и отправлен в штаб наследника-цесаревича – Главнокомандующего гвардейскими и гренадерскими корпусами⁷⁸.

Первые месяцы Крымской войны застали Обручева в Академии. Русская армия была готова к войне с Турцией, но не со всеми великими европейскими странами. Основной ее сложностью была нехватка обученных кадров и нарезного стрелкового оружия. К 1 января 1853 года общая численность армии составляла 27 716 генералов и офицеров и 968 382 нижних чинов⁷⁹. За год удалось увеличить численность резерва до 2780 генералов и офицеров и 980 931 нижних чинов⁸⁰. Этого оказалось недостаточно для того, чтобы прикрыть границы России. В марте 1854 года в войну против России вступили Англия и Франция.

Приказом военного министра от 17 марта 1854 года четвертые действующие батальоны Гвардейского и Пехотного и Гренадерского корпусов, из числа запасных, доводились до штата 1-х действующих, кроме того, из новых запасных батальонов образована была Запасная дивизия⁸¹. Офицерский штат батальона составляли один штаб-офицер – командир батальона и десять обер-офицеров⁸², которых катастрофически не хватало. «Не имелось достаточно офицеров, ни унтер-офицеров, встречались затруднения к современному вооружению и снаря-

жению новых частей»⁸³. Резервы гвардии продолжали расти, Гвардейские полки, имевшие к началу войны трехбатальонный состав, получили шестибатальонную структуру⁸⁴. Одновременно Гвардейскую Запасную дивизию переименовали в Резервную в составе трех бригад⁸⁵.

В связи с опасностью нападения противника на западные границы государства в сентябре 1854 года гвардия была передислоцирована в Остзейские губернии и Виленское генерал-губернаторство. Для прикрытия столицы из резервных и запасных частей было приказано: «образовать Гвардейский Резервный Пехотный корпус, имея в оном, наравне с Действующим корпусом, три резервные дивизии, разделенные на шесть бригад и 12 резервных полков»⁸⁶. Поскольку в новом корпусе полностью создавались штабные структуры, часть офицеров очередного октябрьского выпуска Академии 1854 года была направлена туда.

29 апреля 1855 года Обручев стал квартирмейстером 2-й гвардейской резервной дивизии. При формировании резерва путем слияния небольшой части специально оставляемых старослужащих солдат с рекрутами его командование столкнулось с огромными сложностями. Кроме нехватки офицерских кадров, уже в 1854 году обнаружилась нехватка пороха и свинца. Для стрелковой подготовки солдат выделялось: старослужащим пороха на десять, а свинца на пять выстрелов, а рекрутам соответственно на пятнадцать и восемь⁸⁷. Предполагалось, что солдат должен использовать пулю дважды. Этого было совершенно недостаточно. Для сравнения отмечу, что в мирное время в конце 1840-х солдату прусской армии для стрельбы выделялось 36 боевых патронов в год (из них три – на выстрел на 50 шагов, три – на 100, 18 – на 150, пять – на 200, два – на 300 и пять – застрельщикам)⁸⁸.

В резервном л. – гв. Финляндском полку, входившем во 2-ю дивизию, рекруты сначала обучались стрелковому делу на 300 старых бракованных ружьях, не годившихся к употреблению «в дело и в кремневом виде»⁸⁹. Позже в полк было отпущено 234 штуцера Сестрорецкого завода, но они быстро вышли из строя и их пришлось заменить Литтихскими⁹ винтовками. А при этом в подготовке рекрута старались прежде всего обучить «порядочно стрелять, сделать его ловким в рассыпном строю»⁹⁰⁹¹ – сказывался опыт боев в Крыму.

Штаб командующего войсками, оставшимися в Петербурге и его окрестностях, ген. А. Ф. Арбузова, торопил с подготовкой рекрутов, ведь возможность нападения на столицу была реальной. Один из планов ее обороны предусматривал возможность прорыва противника даже к Васильевскому острову. Комитет по защите Петербурга под руководством наследника-цесаревича планировал создание линии обороны от Старой Деревни до Охты и от Екатерингофа до Александро-Невской Лавры⁹². Каждое воскресенье офицеры учебных команд лично отчитывались перед командующим. При подготовке отказались от чистки ружей «под блеск» и резко сократили ружейные приемы и шагистику. Результаты были хорошие, все отмечали высокий уровень подготовки рекрутов⁹³. Но реалии николаевской России расходились с представлениями о них Обручева, изложенными всего лишь в 1853 году! Русской армии с избытком хватало славы, но недостаток пороха, свинца, ружей и пр. был страшным и действовал гнетуще. Экономика России не выдерживала соревнования с Англией и Францией. Через десять лет Обручев напишет: «Не Крымская ли война обнаружила наше богатство? Но союзники, в особенности Англия, не успели еще развернуть всех своих сил, как мы должны были уже сознать свое истощение»⁹⁴.

Между тем ситуация с вооружением была сложнее, чем казалось. Армий, полностью вооруженных штуцерами, в Европе не было ни в Крымскую войну, ни даже в первые годы по ее окончанию. Исключением была Швейцария, крохотная армия которой получила винтовки в

⁹ Литтих – немецкое название города Льеж, Бельгия.

1850 году⁹⁵. В России пехота была вооружена ружьем образца 1808 года, который был немного изменен в 1828-м и в 1832 годах⁹⁶. Во Франции самая многочисленная часть пехоты была вооружена «образцом 1777 года» (или различными его вариантами, изменения происходили и в 1816-м, и в 1822 году, при этом срок службы ружья вплоть до 1840-х равнялся 50 годам⁹⁷, после Крымской войны гладкоствольные ружья переделывали в нарезные, с которыми французская армия вышла на войну с Австрией в 1859 году⁹⁸).

В Пруссии в строю по прежнему находился «Потсдамский мушкет», принятый на вооружение приблизительно в то же самое время, что и его французский аналог. Наиболее распространенное ружье английской армии – «Браун Бесс», появилось в 1730-х годах, продержалось в войсках до Крымской войны и даже до восстания сипаев 1857–1858 годов. Возглавлявший британскую армию с 1827-го по 1852 год герцог Веллингтон не считал необходимым менять что-нибудь в созданной им во время войны с Наполеоном машине. Правда, примерно с 1842 года в Англии началось постепенное перевооружение пехоты. Все началось с того, что вместо кремневого замка в ружье вводился пистон или капсюль⁹⁹. Введение этих новшеств шло повсюду и повсюду вызывало критику и сопротивление противников преобразований¹⁰⁰.

С начала 1840-х годов во Франции начались эксперименты по модернизации штуцеров, которые позволили бы упростить их зарядание до уровня гладкоствольного, сохранив преимущества нарезного оружия. Огромное значение приобретало введение новой формы пули, в том числе и конической – системы Минье¹⁰¹. В Пруссии в 1841 году была запатентована игольчатая винтовка Дрейзе, которой в 1848 году были вооружены фузилерные батальоны 32 линейных полков. В 1849 году для егерских батальонов был введен штуцер Дрейзе (перевооружение винтовками в Пруссии прошло в 1855–1857 годах)¹⁰².

В 1844 году французскому правительству был представлен вариант штуцера, который, после доработок, был принят на вооружение стрелковых батальонов в 1846–1848 годах. Он был тяжелее и дороже гладкоствольного ружья и уступал ему в скорострельности (четыре против пяти)¹⁰³. В 1851 году в английской армии начали вводиться и винтовки новой, усовершенствованной формы, позволяющей использовать пули системы Минье¹⁰⁴. Одновременно начались эксперименты по введению винтовки уменьшенного калибра. Первоначально остановились на 5,777 линиях (14,681 мм). Разные виды винтовки такого образца были приняты на вооружение в 1852-м и в 1853 годах¹⁰⁵. Большая часть британских войск, отправленных в Крым, получили их только перед погрузкой на корабли и смогли впервые опробовать их только во время стоянки на Мальте¹⁰⁶.

В результате в Крым французы пришли с линейной пехотой, вооруженной гладкоствольными ружьями, зуавы и гвардия имели нарезные ружья, а стрелковые батальоны – штуцеры, примерно такая же картина была у сардинцев (у них на роту линейной пехоты полагалось 30 штуцерников, берсальеры также были вооружены штуцерами), и только у англичан и линейные, и стрелковые части, и гвардия были вооружены нарезными ружьями¹⁰⁷. Это был результат процессов, которые шли во всех армиях, не исключая и России.

В 1840 году в русской армии для стрелковых батальонов был введен штуцер по английскому образцу, а в 1845-м – ударная система для прочего солдатского огнестрельного оружия по французскому образцу¹⁰⁸. Штуцерами были вооружены стрелковые батальоны, постепенно росло количество штуцерников в линейной пехоте. В 1854 году их было 26 на батальон, в конце 1855 года – 26 на роту. Проблема была, в частности, и в том, что стоявшие на вооружении в России штуцера к началу 1850-х годов уже были устаревшими¹⁰⁹.

Проблема все же не ограничивалась количественными показателями. Модернизация поначалу приводила скорее к увеличению скорострельности, чем дальности ручного

стрелкового оружия. В принципе, в мобильной войне того времени, предполагавшей быстрое сближение значительных масс на поле боя, скорострельности придавали гораздо большее значение. Нарезные винтовки, или штуцеры, заряжавшиеся с дула, значительно уступали ружьям по скорострельности, превосходя их в дальности боя.

Количество же «штуцерных» в России перед войной почти равнялось легкой пехоте Франции и Австрии, вместе взятых. Но французам и англичанам не нужно было защищать свои национальные границы – они практически были неуязвимы для России. Союзники смогли болезненно увеличить количество легкой пехоты в своей действующей армии и, таким образом, достигнуть значительного перевеса над русскими войсками. Так, под Альмой из 34 тыс. русских солдат только 2 тыс. было вооружено штуцерами, тогда как 58 тыс. англо-французов имели 15 тыс. штуцеров¹¹⁰. Недостаток оружия заставил русскую армию рассредоточить свои силы по направлениям возможных ударов.

К сожалению, современники нечасто задавались вопросом, что же значит для России быть готовой к войне. Воспитанные в традициях николаевской системы, многие наследники 1812 года привыкли гордиться военными победами, поэтому поражения в Крыму и сам факт возможного (!) нападения на Петербург потрясли мировоззрение целого поколения. Новости воспринимались только эмоционально.

Можно привести в пример реакцию военных на сдачу Бомарзунда его комендантом генерал-майором Я. И. Бодиско. Слишком необычным был этот случай в русской армии. Солдаты и офицеры гарнизона поначалу отказались выполнять приказ о сдаче¹¹¹. В столице даже начали толковать о предательстве¹¹². «Из всех неудач, которые до сих пор мы испытывали на разных театрах войны, ни одна не произвела у нас такого тяжелого впечатления, как потеря Бомарзунда (4 (16) августа 1854 года. – О. А.). Как-то особенно казалась прискорбною сдача в плен (выделено Д. А. Милютиным. – О. А.) гарнизона крепости, хотя, в сущности, и не было ничего позорного для чести нашего оружия: войска держались, пока было возможно, и отдали неприятелю одни развалины»¹¹³. Следует отметить, что после войны следствие по сдаче Бомарзунда оправдало Бодиско¹¹⁴.

Еще более болезненной была реакция на падение Севастополя. Впечатление было очень сильным – в Царском Селе солдаты и крестьяне плакали на улицах¹¹⁵. «Самые черные слухи ходят о положении и расположении нашей армии, – отмечал в эти дни сенатор К. Н. Лебедев в Москве. – Многие считают положение наше в Крыму невозможным. Многие ждут великих поражений до осени»¹¹⁶. Тем не менее, по донесениям австрийских дипломатов, после этого успеха союзников в России не последовало ни отчаяния, ни голосов, призывавших к миру любой ценой¹¹⁷. Эмоциональный шок все же пришел, но в другом виде.

Поражение в войне привело к тому, что у ряда офицеров столкнулись нераздельные до этого любовь к Отечеству и преданность престолу. Главным виновником поражения для общественного мнения стал Николай I. Закономерной была реакция на его смерть. Для некоторых это был шок: «Удар страшный и очень чувствительный, особенно в настоящее время»¹¹⁸. Среди близких ему людей Николай пользовался значительным авторитетом¹¹⁹, он уходил из жизни с редким самообладанием и достоинством, не забыв уделить внимание даже своим слугам¹²⁰. Но все же никак нельзя сказать, что страна была единой в оценке потери монарха. Столкновения между носителями противоположенных взглядов начались сразу¹²¹. Не будет преувеличением сказать, что разногласия были не повсеместны.

Провинция, несмотря на военные неудачи, твердо верила в императора, и его смерть вызвала там чувства, близкие к отчаянию¹²². В Петербурге картина была сложнее. «Когда распространилась весть о кончине Императора, – вспоминал Д. А. Милютин, – когда народ сте-

кался на панихиды и повсюду выражалась скорбь об утрате великого Государя, с личностью которого привыкли связывать понятие о величии самой России – в это же время, в известной среде людей интеллигентных и передовых, радовались перемене царствования, существовавшего дотоле режима, и в надежде на лучшее будущее»¹²³. За два года Крымской войны взгляды Обручева сильно изменились. Без сомнения, он разделял пафос слов Ф. И. Тютчева о Николае I, сказанных в 1855 году:

Не Богу ты служил и не России,
Служил лишь суете своей,
И все дела твои, и добрые, и злые, —
Все было ложь в тебе, все призраки глухие,
Ты был не царь, а лицедей¹²⁴.

Сослуживец Обручева по Гвардейскому Генеральному штабу, старший адъютант по части ГШ обер-квартирмейстера свиты Е. И. В. генерал-адъютанта А. П. Карцова – 1-го, штабс-капитан И. Ф. Савицкий¹²⁵ вспоминал о том, как Обручев отреагировал на известие о смерти Николая I: «Безмерно обрадованный услышанной новостью, поспешил к своему коллеге капитану Обручеву. Обручев жил... в штабе (гвардейского корпуса), чтобы сообщить новость. Нашел его спящим. „Николай Николаевич! – начал будить его. – Царь умер!“ – Обручев открыл глаза и удивленно уставился на меня, думая, по-видимому, что шучу, потом сел, что-то зажмурившись промычал и наконец, протерев глаза спросил: не приснилась ли ему в самом деле услышанная весть о смерти императора?

– Правда, – отвечал я, – тело его бездыханное уже во власти тления.

– Ух! Какая же гора с плеч свалилась, какой камень с души спал. Первый раз так легко дышится. Позволь тебя поцеловать за такую приятную весть! Ей, Василий Васильевич! – крикнул он вестового. – Бутылку шампанского, надобно выпить за здоровье смерти! – и через несколько минут хлопнула в потолок пробка, возвестив великую скорбь верноподданного»¹²⁶. Можно допустить, что Савицкий, в 1863 году изменивший присяге и ставший на сторону восставших поляков, в своих позднейших мемуарах несколько сгустил краски, но ясно, что служба в резервном корпусе изменила взгляды Обручева. Здесь, полагаю, находятся истоки его временного отката влево, к либерализму и позднейшей близости с Чернышевским.

13 июля 1856 года Гвардейский Резервный корпус был расформирован¹²⁷. Штабные структуры были распущены, а его новый командующий ген. – ад. князь А. И. Барятинский вскоре отправился на Кавказ. Поскольку недостаток обученных штабных офицеров остро чувствовался всю войну, военное министерство решило увеличить процент их присутствия в армии путем создания в дивизиях должности начальника штаба¹²⁸. В Гвардейском корпусе начальник дивизионного штаба должен был иметь чин полковника или капитана Гвардейского ГШ¹²⁹ (звания подполковника в гвардии тогда не было). Обручев, сохранив должность дивизионного квартирмейстера уже во 2-й Гвардейской Пехотной дивизии¹³⁰, что было признанием его трудов в резерве, позже займет в ней должность начальника дивизионного штаба.

Карьера Обручева продолжалась удачно: в апреле 1855 года он был назначен исправляющим должность дивизионного квартирмейстера¹³¹, а через месяц с небольшим был произведен в капитаны. С 30 июня по 25 сентября 1856 года Обручев находился на коронационных торжествах в составе сборного отряда Гвардейского и Гренадерского корпусов. Здесь, в Москве, он получает свои первые ордена – св. Анны и св. Станислава, оба 3-й степени, а уже 1 января 1857 года Обручев назначается дивизионным квартирмейстером. Кроме того, во время коронационных торжеств решается и вопрос о назначении Николая Николаевича на кафедру военной

статистики в Академии генерального штаба. Загруженный делами Д. А. Милютин был уже не в состоянии работать в Академии, и его заменили полковник Макшеев и капитан Обручев, причем последний был рекомендован начальнику генералу Г. Ф. Стефану Я. И. Ростовцевым¹³².

2 июля письмом из Москвы Обручев сообщил о своем согласии занять место адъюнкт-профессора¹³³. Два года прошло с тех пор, как Обручев окончил Академию, и в сентябре 1856 года он возвратился в скромный двухэтажный особняк на Английской набережной, 32. Поддержка Ростовцева, протезировавшего Обручеву с 1837 года, пригодилась в Академии. В сентябре 1857 года капитан Обручев подал рапорт об отчислении от должности в Академии, горячо и охотно поддержанный Стефаном в донесении на имя начальника штаба Военно-учебных заведений. Однако Я. И. Ростовцев встал на сторону Обручева. В официальном ответе Стефану, в частности, было сказано: «Вследствие отношения Вашего Превосходительства от 17 сего сентября за № 881 Главный штаб, по приказанию г. Начальника штаба, имеет честь уведомить, что по личному Его Превосходительства с капитаном Обручевым объяснению, офицер этот остается в вверенной Вам Академии, чему генерал-адъютант Ростовцев изволит быть весьма довольным»¹³⁴.

На 1857 год выпадает весьма важный этап в жизни Академии. Прием в нее перестал быть ограничен определенной квотой, он обуславливался только научной подготовкой поступающих. Таких оказалось свыше 60 человек¹³⁵. Уже в 1857 году наметилось противостояние «старой» и «новой» профессуры в стенах Академии. Оно проявилось в подходах к преподаванию и, конечно же, в оценках случившегося за последние годы. Драгомиров и Обручев особенно выделялись среди молодой профессуры¹³⁶. «По военной статистике, например, – вспоминал один из слушателей, – ясно и убедительно указывалось профессором (Н. Н. Обручевым), как безусловно необходимо обосновывать ее на подробном изучении производительных сил государства и экономического быта его населения. Вместо перечня цифровых данных и поверхностной ссылки на разные теории западноевропейских ученых получался живой, интересный рассказ, знакомивший с жизнью земледельческих и промышленных классов нашего Отечества»¹³⁷.

Службу в Академии Николай Николаевич совмещал с выполнением обязанностей в Гвардейском Генеральном штабе, который во второй половине пятидесятых годов был, по словам Д. А. Милютина, «главным центром, из которого исходила инициатива военных нововведений»¹³⁸. Особенно активную роль в пропаганде идей военных реформ играл обер-квартирмейстер штаба – генерал-майор А. П. Карцов, бывший учитель Обручева в кадетском корпусе, и начальник штаба граф Э. Т. Баранов. Одним из важнейших направлений их деятельности было основание военного журнала.

Дело «Военного сборника»

Еще в 1852 году Д. А. Милютин предлагал для повышения уровня подготовки офицеров Генерального штаба основать военный журнал, интересный и более современный, чем другие¹³⁹. В 1856 году он вновь возбудил этот вопрос, но, поскольку Милютин был назначен начальником штаба Кавказской армии, решать его пришлось А. П. Карцову. 6 января 1858 года последовало высочайшее позволение на открытие такого журнала под названием «Военный сборник». Первоначально его редакторами были назначены профессора Академии – подполковник Аничков и капитан Обручев. Виктор Михайлович Аничков, преподававший военную администрацию, был «весьма развитой, даровитый и отличный редактор»¹⁴⁰. Д. А. Милютин отмечал, что Аничков имел талант блестяще развивать данную ему мысль. Однако Аничков быстро оставил редакцию в связи со своим назначением вице-директором Комиссариатского департамента. На его место был назначен капитан Гвардейского Генерального штаба Хр. Г. Окерблом. Реальным руководителем редакции был Обручев¹⁴¹.

В начале года он уже успел проявить себя в безусловно приятной для Милютина области: Николай Николаевич стал одним из первых критиков – он опубликовал в «Отечественных записках» блестящую рецензию на труд своего будущего начальника о войне 1799 года¹⁴², в которой весьма лестно сравнил автора с таким военным историком, каким был ген.-л. А. И. Михайловский-Данилевский¹⁴³. Усилиями реального редактора заведующим хозяйственной частью журнала и ответственным по литературной части был назначен Н. Г. Чернышевский¹⁴⁴. Это был шаг, имевший для Обручева серьезные последствия и требующий объяснений.

Конец пятидесятих годов XIX века был временем роста либеральных настроений в России. Одной из причин их появления было поражение России в Крымской войне, а также специфическое восприятие действительности частью молодежи, получившей образование в тридцатые – сороковые годы XIX века. Трудно переоценить масштабы впечатления от военных неудач и начавшегося нового правления, столь непохожего на предшествующее: «Сотрясение было всеобщее; все как бы проснулось от долговременной летаргии; люди, не только отвыкшие говорить, но даже думать, встрепенулись, и все зашевелилось»¹⁴⁵.

Усвоив представления о роли России в Европе, выпускники николаевской школы сделали из проигранной войны главный вывод – необходимы реформы, так как в поражении виноват только существующий государственный порядок. У многих в подсознании осталась внушаемая с детства идея о том, что Россия в состоянии воевать один на один с Европой. Если же война проиграна, рассуждало это поколение, то виновата в этом государственная система. Либеральные настроения имели, таким образом, корни в оскорбленном чувстве национальной гордости, в воспитанной годами неспособности правильно оценивать военные ресурсы России. Парадокс состоял в том, что эти настроения были следствием внушаемой николаевской школой системы ценностей. «Николай I приучил русское общество всякое политическое восхваление и всякое политическое порицание сосредотачивать на лице одного императора. Когда правительству курился фимиам, он относился к лицу императора, когда секретно жестоко порицали его, порицали опять-таки одного императора. Николай до такой степени привык сосредотачивать в своем лице все правительство, всю политику, он так громко провозглашал – „государство – это я“ – он так настаивал на том, что кроме его в России никакой политической силы нет и не может быть, что все привыкли смотреть в этом случае его глазами. Этот взгляд тем более укоренился, что он составлял традицию»¹⁴⁶. Естественно, что у такой традиции было свое зеркальное отражение, привлекательное для многих. Однако либерализм для таких людей, как Обручев, сводился прежде всего к мерам по восстановлению величия России.

Современник этих событий, впоследствии видный русский историк Н. К. Шильдер писал: «Неудачи Крымской войны вызвали убеждение, что нужно переделать в корне все военные учреждения Императора Николая. Прежние требования и прежняя система обучения и военная организация Империи навлекли на себя неудержимый поток самой беспощадной критики. Дух порицания овладел также и нашею военною интеллигенцией. Все с каким-то злорадством бросились на прошлое; военные порядки, укоренившиеся со времен Павла I и развитые до последней крайности Императором Николаем, оказались действительно несостоятельными. Но легион реформаторов, явившийся России вслед за заключением мира, точно по мановению жезла, ударил в противоположную крайность. Возмечтали сразу все переделать, перестроить на новых началах, и совершенно забыли о старых фундаментах, крепко вросших в Русскую землю и русскую натуру...»¹⁴⁷. Замечания Шильдера интересны как свидетельство представителя одной с Обручевым касты – гвардейских офицеров (Шильдер был в это время адъютантом Э. И. Тотлебена). Значительная часть военной элиты качнулась влево, например, такой стойкий в будущем консерватор, как М. И. Драгомиров (человек, очень близкий Обручеву), был в пятидесятые годы, по словам хорошо знавшего его М. И. Венюкова, «тегелист, герценнист, атеист и политический либерал...»¹⁴⁸. Верным кажется мне замечание Е. Феоктистова относительно Академии Генерального штаба: «Быстрый переход от николаевского режима к новому порядку вещей отразился губительно не только на слушателях, молодых офицерах, но и на профессорах... вдруг под влиянием новых веяний Академия совсем преобразилась; авторитет начальства был поколеблен, и руководителями молодых офицеров сделались люди вроде Сераковского, одного из главных руководителей польского восстания, который был впоследствии повешен Муравьевым в Вильне»¹⁴⁹.

Сторонники реформ были восхищены 1857 годом. В январе было открыто Общество железных дорог, в ноябре и декабре последовали высочайшие рескрипты Виленскому и Санкт-Петербургскому генерал-губернаторам – начиналась подготовка изменений положения «земледельческого сословия» – крестьян. «Слава и честь 1857 году!» – восклицал автор «Отечественных записок»¹⁵⁰. Он ссылаясь на Манифест от 19 (31) марта 1856 года «О прекращении войны», который заканчивался словами: «При помощи Небесного Промысла, всегда благодетельствующего России, да утверждается и совершенствуется ее внутреннее благоустройство; правда и милость да царствуют в судах ее, да развивается повсюду и с новой силой стремление к просвещению и всякой полезной деятельности, и каждый под сенью законов, для всех равно справедливых, всем равно покровительствующих, да наслаждается в мире плодом трудов невинных»¹⁵¹.

Казалось, что верноподданным императора оставалось только повиноваться: «...русская литература, вняв гласу свыше, в 1857 году посвятила себя изобличению неправды и лицемерия: здесь же она выказала себя усердною служительницею высших указаний»¹⁵². Одно из основных условий начала любой реформы – определение по отношению к прошлому, то есть необходимость выделения не только отрицательных его сторон, подлежащих изменению, но и положительных, которые необходимо сохранить. И здесь начинались разногласия.

Представители старшего поколения военных также исходили из необходимости реформ – например, генерал-лейтенант П. К. Меньков (в 1858 году полковник), сменивший Обручева на посту редактора «Военного сборника», был известен как автор серии критических статей о Крымской войне под общим названием «Немцы на Дунае», вызвавших острое недовольство в Военном министерстве. Однако в обстановке, описанной Н. К. Шильдером, возникли и другие настроения.

Генералитет, хотя и понимавший необходимость реформ, принял первые шаги к публичному их обсуждению в печати буквально в штыки. П. К. Меньков записал в дневнике в день своего назначения на пост Обручева расхожую оценку роли Чернышевского в «Воен-

ном сборнике»: «Последний, слишком известный в литературном мире шестидесятых годов, орудовал всем изданием и дал журналу столь дикое направление, что самые отчаянные либералы пришли в ужас! Журнал неразумно перешел все известные пределы свободы слова; неразумно и бесполезно заговорил брань (так в подлиннике. – О. А.) на всевозможные виды; бранил все, кричал, что „все глупо и нелепо, учитеесь у нас, мы наставим вас и поведем по пути прогресса!“»¹⁵³. Либералы не оставались в долгу и называли противников беспредельной критики защитниками николаевской системы. Такой известности не избежал и герой Севастополя – Э. И. Тотлебен¹⁵⁴.

Очевидно, что в 1858 году, накануне появления нового военного журнала, это противостояние еще не было столь очевидно. «Русский инвалид» – орган Военного министерства – печатал статьи о причинах превосходства французов Крыму, обращая внимание на рассыпной строй, прицельную стрельбу¹⁵⁵, вооружение легкой пехоты штуцерами, индивидуальную подготовку бойцов и т. п.¹⁵⁶ Более того, редакция заняла довольно очевидную позицию по отношению к крепостному праву и перспективам его отмены, конечно, не декларативно. Публиковались материалы о том, как это зло преодолевалось в других странах¹⁵⁷, о способах возможного решения проблемы в России¹⁵⁸.

Но уже первая книжка обручевского издания вызвала в газете раздражение. «Не хорошо, не хорош тон «Военного сборника», – гласило безымянное обозрение „Русского инвалида“. – С этим согласится всякий»¹⁵⁹. Даже частично не согласившийся с критикой генерал-адъютант граф С. П. Сумароков не стал защищать журнал вообще – ему не понравились идеи рассыпного боя и индивидуальной подготовки солдата, о которых говорилось в первой книжке сборника¹⁶⁰. В «Отечественных записках» также сделали вывод после публикации первых двух книжек «Военного сборника»: «Действительно, большая часть злоупотреблений в военной службе прямо связана с интересами лиц, стоявших довольно высоко в военной иерархии»¹⁶¹.

Сложилась сложная и неприятная для редакции ситуация, когда взаимные обвинения сделали весьма затруднительной работу Обручева в «Военном сборнике». У нового журнала возникли многочисленные и влиятельные недоброжелатели. Целенаправленно создавалась атмосфера, в которой стал возможным решающий удар. Высокопоставленным противникам «Военного сборника» был нужен повод, и они создали его сами¹⁶².

Военным цензором полковником Л. Л. Штюмером был сделан доклад «О вредном направлении всей русской литературы вообще и „Военного сборника“ в особенности»¹⁶³. Людвиг Людвигович Штюмер был человеком образованным. Он был членом Военно-Ученого комитета по отделению Генерального штаба и действительным членом Русского Географического общества¹⁶⁴. «Надо отметить, – вспоминал участник этих событий, – что это был беспощадный и ядовитый цензор. Его принципы в цензурном отношении доходили до нелепости; иногда от его замечаний и поправок приходилось злиться, а иногда просто смеяться. Он был очень неглупый человек и при замечаниях своих всегда умел осветить авторскую мысль со своей, так сказать, ехидной точки зрения, иногда даже умышленно искажая смысл»¹⁶⁵. Нечто подобное произошло и в этот раз.

Название доклада явно было связано со статьей «Об отношении литературы 1857 года к общественному мнению», опубликованной в февральском номере «Отечественных записок» в 1858 году. Штюмер обвинял редакцию в желании опорочить русских военных. Этот документ был передан Военным министром на Высочайшее Имя¹⁶⁶. Примечательно, что при проверке обвинений, содержащихся в докладе Штюмера, некоторые из приписываемых им «Военному сборнику» фраз (напр. «служба офицеров бесцветна, скучна, не представляет никакой пищи для ума и потому приводит некоторых к пьянству») обнаружены не были¹⁶⁷.

Совершенно не ясно было уже тогда, почему с точки зрения цензора неправильной и вредной была публикация в июньском выпуске журнала четырех статей офицеров разных родов войск (казаки, пехота, кавалерия, артиллерия) и из разных концов России, в которых обсуждались схожие проблемы¹⁶⁸. В объяснительной записке после проверки «Военного сборника» особо отмечалось, что задачей журнала было привлечение офицеров к обсуждению недостатков в армии и что редакция его не выходила за пределы задач, указанных правительством¹⁶⁹.

Обвинения Штюмера в нарушении пунктов 1 и 2 военно-цензурных правил («1) не допускать к печатанию ничего оскорбительного для чести русского войска; 2) не допускать никаких нападок, ни насмешек насчет какой-либо части наших войск или корпуса офицеров») были признаны безосновательными. Объяснение, представленное проверяющими, вообще содержало достаточно много весьма неприятных для автора доклада определений¹⁷⁰.

Тем не менее в результате доклада Штюмера редакция «Военного сборника» была смещена после первых восьми выпусков. Напомню, что она состояла из двух молодых офицеров Генерального штаба, которые одновременно были профессорами Николаевской академии Генерального штаба – В. М. Аничкова и Н. Н. Обручева, редактировавших журнал по военным наукам; Чернышевский же редактировал литературную и заведовал хозяйственной частью журнала¹⁷¹, который до 1 января 1859 года издавался при штабе отдельного гвардейского корпуса. После этого журнал был передан в непосредственное подчинение Военного министра¹⁷².

Рассмотрим, насколько были обоснованы упреки П. К. Менькова и «Русского инвалида». За восемь месяцев «Военный сборник» опубликовал 64 статьи и пять рассказов (литературный отдел), которые группируются по следующим темам:

- 1) о Крымской войне – 11;
- 2) о состоянии русской пехоты – 6;
- 3) о русско-турецкой войне 1828–1829 годов и венгерском походе 1848 года – 5;
- 4) литературная часть (рассказы) – 5;
- 5) о русской кавалерии – 4;
- 6) об образовании в армии – 4;
- 7) о роли стрелкового оружия – 4;
- 8) о состоянии европейской пехоты – 3;
- 9) о горной войне в Алжире – 3;
- 10) о реформе в армии – 2;
- 11) о телесных наказаниях – 2;
- 12) военная статистика – 2;
- 13) войсковое хозяйство – 2;
- 14) военная история – 2;
- 15) о Казахстане и Средней Азии – 2;
- 16) об изменениях в артиллерии – 1;
- 17) о казаках – 1;
- 18) о призывной системе во Франции – 1;
- 19) о произволе чиновников во Франции – 1;
- 20) записки М. И. Драгомирова о Франции – 1;
- 21) о снабжении в европейских армиях – 1;
- 22) о военном департаменте в Англии – 1;
- 23) о восстании сипаев – 1;
- 24) о Кавказе – 1;
- 25) о военных училищах – 1;
- 26) о военной медицине – 1;

27) о лагерных занятиях гвардии – 1.

Из 25 подписавшихся авторов первого периода существования журнала (восемь выпусков) четверо были генералами, причем отнюдь не либеральных настроений: Непокойчицкий, Карпов, Вунш, Затлер.

О значительном влиянии Чернышевского на направление журнала трудно говорить – его отдел был представлен всего пятью рассказами, а специфический характер остальных тем, как мне кажется, излагавшихся вполне профессионально, не позволяет говорить о серьезном вмешательстве штатского литератора, не имевшего военного образования. Безусловно, выделяется особое пристрастие В. М. Аничкова к военной системе Франции, но его работы занимают примерно такой же объем, что и работы Х. Г. Окерблома, не скрывавшего своих прусских симпатий в военном деле. Показательной для позиции журнала была первая статья в первом его номере (май 1858 года), опубликованная без подписи под названием «Взгляд на состояние русских войск в минувшую войну». Неизвестный автор подчеркнул невозможность победы России в войне со всей Европой, каковой, по его мнению, была Крымская война. По этой причине автор считал несостоятельными упреки критиков русской армии. Он обратил внимание на усилившуюся мощь нарезного стрелкового оружия и в связи с этим на значение одиночной подготовки солдата. Вся военная система прошлого царствования не подвергалась автором критике, но среди ее отрицательных свойств были названы стремление к излишнему лоску и отсутствие инициативы в армии. Основной вывод автора был прост – развитие военной науки и военных знаний есть лучшая гарантия исправления ошибок прошлого. Хотя критика в статье изобиловала оговорками, ее нельзя назвать резкой. Но это была первая критика, очевидно, она воспринималась современниками по-другому, скорее эмоционально, чем логически.

За восемь месяцев работы в журнале Обручев написал четыре статьи, из которых три были посвящены проблемам Крымской войны, а одна – «О вооруженной силе и ее устройстве» – имела цель «ознакомить читателей с разумными истинными началами, на которых происходят материальные и нравственные преобразования в войсках, не только наших, но и вообще всех образованных государств»¹⁷³.

Известно, что долгие годы многие государственные деятели России мечтали остановить ее территориальное расширение, но логика ее восточных границ диктовала дальнейшее движение вперед. Даже Николай I завещал своему наследнику еще в 1835 году: «Не в новых завоеваниях, но в устройстве ее (России. – О. А.) областей отныне должна быть твоя забота»¹⁷⁴. Разумеется, Обручев не мог этого знать, но самая идея остановки расширения границ Империи пронизывала все русское общество, доходя до Зимнего дворца. Крымская война усилила эти настроения.

В апреле 1856 года К. В. Нессельроде на посту главы МИД сменил А. М. Горчаков. Программным документом нового министра стал циркуляр русским представителям при дворах иностранных держав от 21 августа (2 сентября) 1856 года, в котором, частности, говорилось о приоритете внутренних задач России над внешними: «Государь принял решение посвятить свои заботы по преимуществу благу своих подданных и развитию внутренних сил страны, сосредоточив на них всю свою деятельность, которая будет направлена на внешние дела только в том случае, если этого потребуют положительные пользы России»¹⁷⁵. Поэтому, казалось бы, основная посылка Обручева звучала вполне актуально и не должна была вызвать возражений: «Если вообще завоевания бывают часто бесполезными, то в Европе они делаются совершенно невозможными»¹⁷⁶.

Обручев справедливо считал, что военные приобретения требуют значительных сумм на освоение завоеванных территорий, поэтому «на завоевание страны государство будет расходовать средства своего собственного народа и никогда не достигнет тех выгод, которые могли бы искупать все принесенные пожертвования»¹⁷⁷. Рассуждения молодого Обручева обладают

железной внутренней логикой и взаимосвязью выводов, но проблема состояла в том, что эта логика не имела ничего общего с реальной жизнью, чего не понимал еще 28-летний капитан гвардии, полагавший, что система коллективной безопасности обеспечит мир Европе. «В веке будущем им (миром. – О. А.) будут дорожить еще более»¹⁷⁸, – завершал он свой прогноз военной политики и в связи с этим предрекал уменьшения значения армии в обществе.

Нельзя не отметить, что если в анализе внешней политики из правильно понятых фактов Обручев пришел к идеалистическим выводам, то в сфере чисто военной он все же оказался на высоте. Обручев выделяет четыре условия, необходимые для эффективного функционирования каждой военной системы:

Во-первых, армия должна быть не инструментом для завоевания, а «для обеспечения внутренней и внешней безопасности страны» (выделено Обручевым. – О. А.)¹⁷⁹. (Важный момент: Обручев не исключает внутреннего врага как потенциальный объект действия армии.) Армия должна быть сокращена, так как большая армия не предотвращает, а вызывает войну.

Во-вторых, армия должна быть соразмерна с населением страны, причем не только с современным, но и с будущим, так как «большие постоянные армии и флоты, несоразмерные с населением и излишне его отягощающие, точно так же на него действуют, как и другие причины, имеющие влияние на уменьшение населения: войны, болезни, голод и проч.»¹⁸⁰.

В-третьих, армия должна быть соразмерна с материальной силой государства, так как главное условие ее силы – материальное могущество народа (страны)¹⁸¹.

В-четвертых, армия должна иметь хорошо подготовленный, образованный состав войск, так как «результат кампании зависит часто от одного сражения, сражение же решается иногда в одно мгновение, на одном каком-нибудь пункте; следовательно, успех боя будет в руках того, кто в этот момент бросит на спорный пункт колонну лучшего качества. Качество же войск зависит от физического состава, от степени их искусства, от образования офицеров и высших чинов армии и, наконец, от духа, ее оживляющего»¹⁸².

Все четыре условия новы для военной подцензурной печати. Но, если связь военной мощи с экономическим потенциалом продемонстрировал Севастополь, то мысль об ответственности армии и флота за демографический процесс в России, за будущее русского народа нова не только для печати, но и для общественного сознания (впрочем, от одной составной части этой программы Обручев откажется – Россия не могла, в отличие от Европы, не иметь большую армию, ее геополитическое положение не оставляло ей выбора). Выводы, которые сделал Обручев из перечисленных условий, представляют собой как бы конспект будущих военных реформ и изменений в тактике боя пехоты (усвоенных, к сожалению, с большим опозданием): 1) армия и флот должны быть усилены созданием милиционных частей, ополчением, развитием торгового флота; 2) сроки службы должны быть сокращены, что гарантирует увеличение обученных кадров; 3) военная повинность должна стремиться к всесословности, чтобы возможно большее число «дозревших к службе людей»¹⁸³ получили бы военную подготовку. Будущее русских вооруженных сил, таким образом, – постоянная армия, через которую проходит все «мужающее население страны» и которая будет сокращаться, и резерв, значение которого будет постоянно расти. Призывной возраст, считает Обручев, начинается с 21 года, когда рекрут набирает должную физическую силу, но идеальный возраст для солдата действующей армии – от 25 до 35 лет, лица старше 35 лет должны отчисляться в резерв, польза же от 45-летнего солдата, постоянно служившего в армии, невелика¹⁸⁴. Сокращение сроков службы, исходя из этого, становится просто необходимым.

Но, пожалуй, самые сильные и смелые мысли в рассуждениях Обручева представляют его размышления об изменении в положении рядового, унтер-офицерского и офицерского состава армии. Появившаяся на вооружении армий казнозарядная винтовка, которую по традиции еще называли штуцером, изменила не только значение легкой и линейной пехоты, но и пехоты как

рода войск и артиллерии. Впервые легкое стрелковое оружие стало эффективнее артиллерии на ближних дистанциях. На расстоянии 250 шагов картечь действовала слабо, а штуцер давал 35 % попаданий¹⁸⁵, что и давало возможность рассеивать колонны и выводить из строя артиллерийскую прислугу. Эту тактику применяли русские егеря в борьбе с венгерской армией в 1849 году. Но, как это часто бывает, победа заслонила новую тенденцию, вспомнить ее пришлось уже в Крымскую войну.

«Огонь цепей, – делает вывод Обручев, – опасный для артиллерии, будет гибелен для сомкнутых частей, для кучек, для начальников. Рассыпной строй делается в бою употребительнейшим, главным строем; следовательно, выгода усовершенствования будет на стороне того, чьи люди развитее, способнее к обучению, предприимчивее и обладают большею самостоятельностью, в цепи каждый стрелок предоставлен самому себе»¹⁸⁶. Итак, будущее за пехотой, действующей рассыпным строем, это вызовет дальнейшее падение значения кавалерии и изменение в артиллерийском парке: на поле боя будут господствовать нарезные орудия из литой стали с коническими ядрами, усовершенствованной картечной гранатой, которые позволят бороться со штуцером¹⁸⁷.

Но рассыпной строй требовал увеличения офицерского корпуса, почти удвоиться должен был младший офицерский состав – ведь на роту в 250 человек полагался всего один офицер. Естественно, такую массу людей он мог вести только в колонне, и солдат не готовился к самостоятельным действиям (за исключением егерей). Обручев считал, что для рассыпного строя необходимо соотношение как минимум один офицер на 100–120 рядовых¹⁸⁸.

Для увеличения числа офицеров Обручев предлагал два пути, и если первый – расширение и улучшение системы специального образования для офицеров и их детей – не выходил за рамки привычных мер, то второй – улучшение положения унтер-офицеров, их образования, и открытие для них перспективы производства в офицеры – не был традиционным и отторгался вплоть до чудовищных потерь кадровых офицеров в Первой мировой войне: «Необходимо владеть ею (силой духа. – О. А.) в солдате, чтобы сделать ее несокрушимым орудием против неприятеля и безвредною для мирных жителей. А это возможно только если в самом последнем солдате чтить его человеческое достоинство. Только хороший человек может быть хорошим воином, честным слугою Отечеству и Государю. Каждому солдату открыта дорога в офицеры, можно ли давить в нем чувство, без которого он будет после никуда не годен», – заключал Обручев¹⁸⁹.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.